

Олег Усенко,
кандидат исторических наук

БЛАЖЕННЫЙ МСТИТЕЛЬ *Галерея лжемонархов от Смуты до Павла I **

№ 58. «Шведский король Карл Каролус XII и Якобус Каролус; рука Божья, вершитель Божьего суда над Россией» [ноябрь/23 декабря ? 1738 – после 25 августа 1739] – Якоб Луд

Этот лжемонарх был немцем, лютеранином и уроженцем Нарвы. Родился он, вероятно, в 1698 или 1699 году. Таким образом, он был сначала шведским подданным и лишь после 9 августа 1704 года (взятия Нарвы Петром I) стал россиянином.

Его отец Йохан «был в Нарве столяром и бюргером». О матери нет никаких известий: вероятно, она умерла, когда наш герой был малым ребёнком. У него был брат, который стал фельдшером и женился на некоей Анне. Когда тот умер, Анна вышла замуж за торговца из Дерпта Петера Бекманна. Если верить самозванцу, к числу его свойственников относился и один из нарвских бургомистров – Диттмер.

Якоб и его родные жили в отдельном доме. Скорее всего, они пострадали во время штурма Нарвы российскими войсками. Образ виселицы – весьма частый в письмах самозванца. Можно предположить, что казни через повешение, которые он видел в детстве, серьёзно травмировали его психику. Судя по всему, на него производили большое впечатление и рассказы о Северной войне.

Естественно, отец учил Якоба столярному делу, однако «подмастерьем» тот был формально. Как вспоминал Бекманн, «он всегда был глуп, но помешанным в уме не был... этот Луд был с юных лет вроде бы как дурак и ничему не мог научиться. Он также никакой профессии не освоил, ибо мнил, что этого ему и не надо». Зато он выучился по-немецки читать и писать, немного освоил французскую и латинскую лексику. Не остались втуне и усилия отца по воспитанию Якоба: тот рос послушным и богобоязненным. Свою роль сыграл и пастор Генрих Готлиб Нациус (Нациус, Нассиус) – духовный отец мальчика, переехавший впоследствии в Петербург. Вероятно, Якоб тесно общался с Анной Марией Нехт, которую опекал пастор. Она вышла замуж за местного портного по фамилии Шпице, а потом стала женой Христина Фридриха Ноака – тоже портного. Последний сыграл негативную роль в жизни нашего героя.

Не позже 1721 года Луд-старший уехал в Петербург, оставив уже взрослого сына в Нарве. На следствии Якоб заявил, что «его отец ранее был в услужении у бывшего князя Меншикова придворным столяром». Если самозванец не лгал, то его отец работал на светлейшего князя до 11 сентября 1727 года – до отъезда Александра Даниловича в ссылку.

Оставший без присмотра, Луд-младший попал в трудную ситуацию. На следствии Ноак показал, что он с женой и Якоб «много лет назад вели тяжбу из-за одного имеющегося здесь дома». Можно предположить, что наш герой продал свой дом (по приказу отца?) Ноаку, но тот его обманул; Якоб вчинил ему иск, но тяжбу проиграл. Вероятно, и пастор Нациус оказался в числе его обидчиков. После этого Якоб отправился бродяжничать: «Он примерно 3 года был в Лифляндии, а именно в Риге, Ревеле и Нарве». Затем он отправился к отцу по маршруту Нарва – Новгород – Петербург.

Не позже конца 1724 года он воссоединился с отцом. К 1733-му они жили в собственном доме. У Луда-старшего

была торговая лавка, и Якоб ему по мере сил помогал. Они посещали кирху патера Леонгарда Иоганна Шаттнера (Шатнера). Очевидно, у них были контакты с пленными шведами, жившими в столице или рядом с ней. Луд-старший был не прочь отправить сына за границу. Он говорил Якобу, что «молодые парни не усваивают ничего хорошего в России». Три года Якоб «изучал профессию серебряных дел мастера... у мастера прозванием Вильдебрандт, который был мастером в Дерпте». Каковы были успехи нашего героя, мы не знаем, но после обучения он для властей был ювелиром.

Примерно в 1731-м у него началась душевная болезнь. Он «бывал в горячке, и огонь и пламя ощущал, но не так сильно, а с 1732 года он это испытывал гораздо сильнее». Вероятно, в это же время у него родилась идея монархического самозванства, подкреплённая какими-то «знаками» высокого происхождения. При этом потенциальный лжемонарх перестал ходить в кирху. На следствии он показал, что последний раз причащался в 1732 или 1733 году. «И это всё была горячка, ибо он был объят жаром. Вот и причина, почему он к святому причастию не приходил, – ведь нужно к нему идти достойным, иначе примешь вместо жизни смерть». В Нарву дошли слухи, что Якоб «вроде бы умом тронулся и бродил, как дикарь».

Ко всему этому добавился пожар, уничтоживший семейную лавку. Отныне Луда-старшего «ни один лютеранин к себе не приглашал, но лишь один католик-русский, который его близких у себя привечал...» В конце 1733 или начале 1734-го Луд-старший умер, оставив сыну большие долги.

Якоб тяжело переживал утрату: «С 1734 года он... жил-де в своём собственном доме, и окна купно с дверями держал запёртыми, и как-то близ 14 дней совершенно один оставался – так, что ни с кем никакого обхождения не имел». Якоб решил переехать в Швецию, подал прошение о выдаче паспорта, но чиновничья волокита не дала его мечте осуществиться.

Впрочем, абсолютно одиноким Якоб не был. У него оставались двое слуг – финны Йонас и Йоханн, не перевелись и знакомые из числа приезжих европейцев и остзейских уроженцев. Но эти знакомые начали его потихоньку обирать. Вот как он об этом вспоминал: «Когда же он не был объят жаром, то приходили к нему же другие [люди] с залогами (то есть люди, которые ранее давали ему деньги под залог. – *О. У.*), и он по залогам выдавал деньги, каковые деньги все разошлись незаметно; между тем он этим людям опять залогом давал (брал деньги под залог. – *О. У.*). А те деньги, которые они ему предлагали, не хотел он до этого вновь брать, ибо он был в жару». Вероятно, тогда и взял у него крупную сумму в долг шорник из Нарвы Ханс Якоб Кёрнер, ставший впоследствии одним из корреспондентов «шведского короля».

В 1734 году Луда обокрали солдаты Ингерманландского полка: вынесли из дома «деньги вместе с залогами», инструменты и «знаки» мифического происхождения нашего героя. Тот каким-то образом определил преступников и подал на них в суд. Процесс длился два года и кончился тем, «что один солдат за кражу получил кнут, но и Луд по кригсрехту (военному праву. – *О. У.*) равномерно должен был получить кнут, а также выплатить за бесчестье деньги», поскольку он оскорбил «каких-то солдат или офицеров». К тому же, пока Якоб в 1736 году сидел «под суровым арестом» в ратуше, его наказали прутьями или батогами. За беднягу поручился Бекманн, перебравшийся в столицу. По его ходатайству Сенат указал освободить Якоба. Но свояку пришлось взять Луда к себе в дом.

Все эти испытания серьёзно сказались на психическом состоянии будущего самозванца. Сам Луд потом вспоминал, что после пребывания под караулом у него усилилась горячка, «и

он не знал, через пищу ли, курение ли табака или же воздух сия горячка произошла... Он многократно был обременяем фантазиями и смятением и имел путаницу в голове, и он полагал, что это есть горячка и пришла она от дьявола... Однажды он обрёл покой – должно быть, от курения табака».

Дом Бекманна располагался в Морской слободе (близ от Невского проспекта и Адмиралтейства). Отныне у Луда «распорядок жизни в том заключался, что он вставал рано утром, ходил гулять, обедал и ужинал, а затем опять в постель отправлялся». Он «пришёл вроде бы в совершенный разум», «был тихим и к людям близко не подходил», но в то же время «часто говорил о планетах, своём происхождении и своих рисунках, которые-де у него отобрали Адмиралтейств-коллегия». Кроме того, «Луд по ночам-де иногда смеялся, а с [первыми] петухами плакал». Тем не менее у него остались финны-слуги и по-прежнему были деньги, раз он сам оплачивал свои почтовые расходы.

Пока наш герой был на свободе, свою мифическую ипостась он демонстрировал на бумаге. Первыми, кто познакомился с ним таким образом, были уже известный нам Кёрнер и его зять – стеклодув Юрге Михель Блек. Между 1 ноября и 23 декабря 1738 года Кёрнер получил письмо от самозванца и с помощью зятя «наполовину прочёл». На самом деле послание было адресовано Сенату и правительству. Там, в частности, говорилось, что начался «Божий суд, что Каролус Двенадцатый свою стопу и свой меч ставит на всю Россию... и что Якобус Каролус свою стопу ставит на всю Россию». Шорник догадался, что письмо от Луда и вспомнил, что тот – «глупый, неразумный человек». Кроме того, «в том письме был сущий вздор, которого он ничуть не понял, и даже его имя было неправильно написано. И потому он так осерчал, что его тут же порвал и одну половинку сжёг. После чего, однако, ему пришло на ум, что он тем самым неверно учинил, и посему он другую половинку уже сохранил...» Свидетели «проявления» не стали доносить на Якоба, решив так: «Поскольку он... должно быть, не в своём уме, к тому же всё, что... написал, – дурацкое, то... сие дело никчёмное». И всё же им было тревожно, посему они попытались образумить Луда.

Но всё это не помогло: 7 и 28 апреля Луд отправил Кёрнеру очередные письма. Шорник их не открывал, но припрятал. Он и его зять вроде хотели донести властям на Якоба, но боялись. Тогда 1 мая они написали Бекманну письмо с просьбой удержать подопечного от посылки «дурацких писем». Опять не помогло: 5 и 12 мая самозванец отправил Кёрнеру новые послания, которые опять же остались непрочитанными.

С 7 апреля по 5 мая 1739 года лжекороль Швеции отправил ещё шесть писем – «к адмиралам» (на самом деле – и генералам, сенаторам, правительству), причём «он их отдавал для доставки всегда» своему слуге Йонасу. Тот же, видимо, относил их прямо в Адмиралтейство. Поскольку автор подписывался мифическим именем, выследить его было невозможно. К тому же примерно 6–10 мая дом Бекманна сгорел, и он с Лудом, но уже без его слуг, стал жить «за Фонтанкой у столяра Геринга».

Роковым стало послание от 12 мая в Нарву «фрау Шпице» (Анне Марии Нехт) и одновременно российским властям. Поскольку Анны Марии не было дома, письмо получил Ноак. С помощью стеклодува Готтфрида Вебера он его прочёл и в тот же день, 14 мая, поговорив с женой, отнёс в магистрат. Началось предварительное следствие, однако не был известен отправитель. 15 мая портной высказал предположение, что автор письма – тот самый Якоб Луд, с которым он когда-то судился и который

[с. 51]

живёт в Петербурге. Сразу после этого все материалы следствия были отправлены в столицу – в Юстиц-коллегию, учреждённую для отправления лифляндских и эстляндских¹ судебных дел. 17 мая туда же переслали второе письмо «фрау Шпице», на этот раз перехваченное

нарвским почтмейстером. Пакет из Нарвы Юстиц-коллегия получила, видимо, 19 мая – в день, когда самозванец был схвачен. Вероятно, его задержали на почтамте, когда он отправлял третье послание Анне Марии. План поимки самозванца был разработан, очевидно, в Юстиц-коллегии и согласован с Кабинетом Её Императорского Величества и Почтовой конторой.

21 мая из Почтовой конторы Луд был доставлен в Юстиц-коллегию и подвергся «расспросу». О своей жизни он говорил скупно, зато подчёркивал, что письма писал не по своей воле: «Это всё было написано через горячку и дьявола... Когда же он писать не хотел, то на него садился дьявол, и он должен был писать в горячке». На другой день был опрошен Бекманн, а затем снова Луд. Поскольку выяснилось, что Якоб отправлял письма и Кёрнеру, нарвский магистрат получил повеление допросить и его. Показания шорника были присланы в Юстиц-коллегию примерно 27 мая. Не позже июня были доставлены из Адмиралтейства и недостающие письма самозванца.

В бумагах Луда много сумбура и лингвистических аномалий. Но в то же время его тексты могут рассматриваться как отражение настроений остзейских немцев, сравнительно недавно ставших российскими подданными. В этих бумагах православие («российская вера», «русская вера») воспринимается как «идолопоклонство», «язычество» и «чёрная вера», а православные россияне выступают пособниками дьявола. Там проглядывает и осуждение российских порядков, например, того, что «российские офицеры зверски наказывались шпицрутенами, и бранились друг с другом, и позорили себя общением с распутницами...» Налицо также осуждение чиновничьего произвола и волокиты: «Ибо русские суть правовые истуканы, шельмы и воры, охотно готовы буквоедствовать, ибо они охотно готовы ложно писать и пыль в глаза пускать».

Правящий монарх воспринимается как незаконный. Анна Иоанновна лишь раз именуется царицей; чаще всего вообще не титулуется; однажды получает эпитеты «дама» и «старый правитель». Зато Пётр I «был российский урождённый природный монарх всея России». С другой стороны, он – «мясник» «кровавый пёс», «кровопийца», «вор, достойный виселицы», «шельма».

Во многом эти эпитеты связаны с оценкой Северной войны. В текстах Луда россияне выглядят жестокими и бесчестными: «Россия свою войну вела вместе с воровством и идолопоклонством против Швеции... Ибо русские, и калмыки, и татары, и черкасы (украинцы. – *О. У.*), которые суть все шельмы и воры, что они вместе с дьяволом и идолопоклонством воровали, и людей убивали, и сжигали мужчин и женщин и детей во времена шведской войны».

«А ныне Российская империя стала такой, что они обокрали шведскую монархию» – «вместе с дьяволом украли Ингерманландию² и людей убивали, и русские украли вместе с дьяволом всю Лифляндию, и людей убивали, и земельные владения сжигали, равно как русские всю Финляндию украли, людей убивали, и у Швеции они украли землю, и людей убивали и сжигали, и всю Шведскую Померанию³ русские с их чёрной верой украли и людей убивали». Сожалел Якоб и о потере «шведской Карелии», о разорении Нарвы, Ревеля, Риги, Дерпта, Выборга.

Луд восклицал: «Россия, Россия, ты от кары Божьей не уйдёшь!» В каждом письме он провозглашал, что вершит над Россией «Божий суд». Он переименовал Петербург в Лейден, однако и о себе не забыл: требовал выдать ему паспорт для выезда в Швецию. Если же обобщить его разрозненные мысли, то вот что выйдет.

«Божий суд» подразумевает переговоры с Петербургом относительно итогов Северной войны: «Россия должна быть опрошена, желает ли Россия шведские провинции вернуть или нет». При этом царское правительство должно отправить в Швецию «конного курьера с письмом», ибо нашего героя «Карла Каролуса» на переговорах представляет «шведский министр Диттмер». Далее, Россия должна вернуть Швеции захваченные земли и трофеи, а также уплатить сумму, равную их двойной стоимости. Наконец, она должна помочь

«шведский меч над Оттоманской Портой утвердить». После всего этого Россия «должна быть сожжена».

Но вернёмся к реальным событиям в жизни Якоба. В июне 1739-го дело из Юстиц-коллегии отослали для вынесения приговора в Кабинет. Однако там решили, что следствие надо продолжить – уже в Тайной канцелярии. Туда 25 июня доставили дело, а 26-го – самозванца. В тот же день его расспросили. Он заявил, что «королём швецким себя произносил, что де он подлинно швецкой король и ищет продензи (претензии. – *О. У.*) о взятых от России швецких городов; и болше де нечево ему говорить, что о нём всяк может ведать, какой он человек». Затем он «говорил, что ево швецким королём называли дьяволы цыганки, и теперво де всё в голову ево входит, что он подлинно швецкой король». При этом «повреждения себе в уме он не имеет и не от чево де ему иметь...»

Дело вновь было передано в Кабинет и вновь отправлено оттуда на дополнительное расследование (оставалось подозрение, что Луд притворяется). 25 июля состоялся последний расспрос – при начальнике Тайной канцелярии Андрее Ивановиче Ушакове.

«И по спросу оной Яков говорил: швецким королём он называется, что подлинно де он швецкой король, понеже де велел ему так называтца дьявол да баба, и теперва де в светлице здесь есть калдун, которой де ево, Якова, портит, и все де в нём (колдуне. – *О. У.*) дьяволи имеются, и не знает, что с ними делать: "Прикажите де отсюда колдуна выгнат, то и дьяволов не будет". На что спрашиван, какого он здесь, в светлице, видел. И оной Яков, озираясь на стену, говорил: "Подлинно де есть здесь калдун, а кали де вы не видите – что ж делать".

По сём оной Яков бит батожьём нещадно и о вышеобъявленном, також [и о том], ис какова притворства означенное он говорил, спрашиван накрепко. Но по спросу и под битьём батоги оной Яков говорил вышеобъявленные ж сумозбродные слова, и после битья необычно смотрел на стены, и говорил: "Что мне делать, когда колдуны и дьяволы меня осилили и бьют, а я ничего не знаю, толко правду в писмах своих писал и ныне говорю то ж". А потом говорил: "Пожалуйте меня, отпустите домой в Нарву". Толко боитца дьяволов и цыганок, чтоб ево не убили. И потом оной Яков отдан под караул по-прежнему».

Приговор был вынесен 1 августа: Ушаков повелел сослать Якоба в монастырь. 13 августа его отправили в Калязинский монастырь Тверской епархии. 25-го Луд был уже там. Вероятно, в этой обители он и провёл остаток своих дней.

Источник

РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 367. Ч. 3. Л. 64–156.

Примечания

1. Лифляндия включала земли современных Латвии и частично Эстонии (Тарту, Пярну, о. Эзель). Эстляндией назывался север нынешней Эстонии.
2. Ингерманландия – земли от Финского залива до Ладожского озера.
3. Померания – прибалтийские земли от левобережья Одера до Вислы; её западная часть была под властью Швеции в 1648–1720 гг.